

Ночь выдалась темной, ветреной, а густые тучи напрочь скрыли единственный источник света в небе. В глубине темных зарослей травы лежал мальчик, одетый в грубую льняную рубаху и короткую светлую куртку поверх нее.

В десяти метрах от этого места стоял дом, в котором тускло мерцал теплый желтый свет свечи. В окне смутно проступал сгорбленный силуэт с длинными волосами. Фигуру сотрясал такой сильный кашель, будто человек пытался выкашлять собственные легкие.

Старый евнух в форменном облачении, с седой головой и гладким лицом, чьи потухшие глаза были лишены всякого блеска, прижимал к губам белый платок. Он кашлял надрывно, до боли в груди, а его голос, хриплый и зловещий, источал холод, пробирающий до самых костей.

— Сяо Гуйцзы... кхе-кхе... Сяо Гуйцзы, ты где пропадаешь?! Сяо Гуйцзы...

Мальчик, лежавший в траве, был весь в крови. Услышав доносившийся словно издалека голос, он инстинктивно шевельнул пальцами и попытался подняться, но каждое движение отзывалось такой мучительной болью, будто он только что пробежал марафон.

Острая боль привела Ли Чжаоди в чувство. Перед глазами все плыло, затылок пронзало пульсирующей болью. Не успела она оглядеться, как в голове вспыхнула череда образов — странных, но в то же время удивительно знакомых.

Знакомые имена, незнакомые места...

Бордель Личунь в Янчжоу?

Моя мать Вэй Чуньхуа?

Я — Вэй Сяобао?!

Через мгновение Ли Чжаоди впитала все воспоминания. Она открыла глаза, и выражение ее лица стало сложным. Она не ожидала, что мечта действительно станет явью, хотя мечты на то и мечты — они всегда остаются недостижимыми.

Неизвестно, какой счастливый случай привел к тому, что душа Ли Чжаоди переместилась в тело главного героя, Вэй Сяобао.

Вспомнив свою прошлую жизнь, она ощутила странное облегчение. Она родилась в глухой деревне, где царили патриархальные устои. У нее был младший брат, на шесть лет моложе, и как только она закончила девять классов обязательного образования, родители заставили ее бросить школу и пойти на завод закручивать гайки.

С малых лет на ней был весь дом: стирка, готовка, уход за скотиной, и при этом она вечно ходила голодной. В двадцать первом веке это казалось чем-то немыслимым. Единственным развлечением был телевизор, но и его смотреть запрещали — мол, тратит электричество и

разоряет семью.

Когда она повзрослела и увидела мир за пределами деревни — процветающие города, где за месяц тяжелого труда она получала три тысячи юаней, — мать требовала отдавать две тысячи. Если она отказывалась, мать ходила по соседям, жаловалась на неблагодарную дочь и грозила увезти ее домой, чтобы поскорее выдать замуж.

Ради крохи свободы Ли Чжаоди каждый месяц отправляла домой большую часть зарплаты, оставляя себе лишь тысячу юаней. Она копила деньги, мечтая сбежать от родителей-вампиров. Чем больше она узнавала мир, тем меньше хотела возвращаться. Когда ей исполнилось двадцать два, родители начали требовать, чтобы она вернулась на смотрины. Именно тогда Ли Чжаоди осознала, что ее привлекают женщины, а к мужчинам она равнодушна, если не сказать — испытывает отвращение.

Возможно, видя перед глазами вечно недовольного отца и ленивого брата, который только и умел, что тянуть из нее деньги, она возненавидела свою судьбу. Она часто жалела, что родилась не мужчиной. Будь она парнем, разве не смогла бы она сама вершить свою судьбу, не позволяя другим помыкать собой? Она не могла признаться в своей ориентации — родители сочли бы ее сумасшедшей.

Прошлая жизнь Ли Чжаоди была полна унижений. Родители использовали ее как банкомат, а брат был типичным нахлебником. За двадцать с лишним лет она так и не узнала, что такое тепло домашнего очага.

Честно говоря, Ли Чжаоди всегда завидовала легкости и свободе Вэй Сяобао. Ему во всем сопутствовала удача, а даже если случались беды, рядом всегда были верные друзья, возлюбленные и близкие.

Их жизни были как небо и земля.

Ли Чжаоди беззвучно усмехнулась, чувствуя небывалое счастье. Она прошептала про себя:

— Отныне никакой Ли Чжаоди больше нет. Есть только Ли Чанъгэ. Не волнуйся, раз я заняла твоё тело, твоё мать станет моей, и я буду заботиться о ней.

Как только эта мысль оформилась, она почувствовала, что оковы, сковывавшие тело, исчезли, и стало легче дышать. Она не хотела жить под чужим именем, поэтому решила начать новую жизнь под новым именем — Ли Чанъгэ.

Стиснув зубы, он с трудом сел и вытер кровь с лица. В руке он нащупал что-то гладкое и теплое, приятное на ощупь, как отполированный жир.

При свете далекой свечи Ли Чанъгэ разглядел предмет: это был нефритовый кулон нежно-фиолетового оттенка, внутри которого, казалось, переливались облака. На нем была вырезана

фигурка Бай-цзэ — каждая шерстинка, каждый глаз были проработаны с невероятной точностью.

Он нахмурился:

— Откуда эта вещь? Неужели она переместилась вместе со мной через пространство и время?

Этот кулон он нашел, работая в поле. В тот день, когда он собирал капусту, он заметил в земле что-то блестящее. Любопытство взяло верх, и он подобрал находку. Кулон был таким изящным и теплым, что он решил спрятать его, надеясь, что после праздников сможет продать его и вырваться из нищеты.

— Неужели я переместился сюда именно из-за него? — пробормотал Ли Чаньгэ, погружаясь в раздумья.

Он не заметил, как кровь на его руках впитывается в фиолетовый нефрит, заставляя тот слабо светиться.

— Сяо Гуйцзы... это ты? Почему ты во дворе? — старый евнух, хоть и был слеп, обладал феноменальным слухом. Услышав шум, он позвал слугу.

Ли Чаньгэ вздрогнул. Хай Дафу — опасный человек, с ним нужно быть осторожным. Он глубоко вздохнул, заставляя себя успокоиться. Взглянув на тело у чана с водой, он понял: это и есть настоящий Сяо Гуйцзы, утопленный прежним владельцем тела.

Он коснулся шишки на затылке и поморщился от боли. Спрятав кулон за пазуху, он, опираясь на край чана, с трудом поднялся на ноги.

Не дождавшись ответа, Хай Дафу пришел в ярость. Приступ кашля сотряс его, и он, спотыкаясь, вышел к дверям:

— Сяо Гуйцзы, почему ты молчишь?

Холодный, пробирающий до дрожи голос заставил Ли Чаньгэ покрыться холодным потом. Собравшись с духом, он, шатаясь, сделал полшага вперед и, изменив голос, пролепетал:

— Дядюшка... я...

Хай Дафу на мгновение замолчал, уставившись на него пустыми глазами:

— Тебя послали за противоядием, что ты делаешь во дворе?

Ли Чаньгэ понял, что евнуху нужен лишь инструмент для кражи сутры, и неважно, кто именно будет этим инструментом. Это давало ему шанс выжить.

— Дядюшка... я... я человека убил! — выпалил он, дрожа от страха и стараясь играть свою роль.

Он подошел к Хай Дафу и почтительно подхватил его под руку, убедившись, что старик действительно ничего не видит.

— Гм... в этом дворце смерти случаются, но лучше бы об этом никто не узнал, — холодно заметил Хай Дафу.

— Да... конечно, — поддакнул Ли Чаньгэ, изображая крайнюю степень растерянности.

Если бы не этот актерский талант, его бы в прошлой жизни давно продали в жены.

— Дядюшка... тот парень хотел сбежать, я погнался за ним, мы подрались, он ударил меня камнем по голове... Я в ярости окунул его в чан, и он утонул. А потом я увидел кровь, испугался и потерял сознание. Думал, что больше никогда не смогу вам служить!

Ли Чаньгэ на ходу выдумал историю, понимая, что Хай Дафу не станет проверять детали. Главное — втереться в доверие.

Хай Дафу молча схватил его за руку и потащил в дом. Ли Чаньгэ не знал, что на уме у старой лисы, поэтому решил молчать, чтобы не сболтнуть лишнего.

Войдя в дом, Хай Дафу опустил на стул и снова закашлялся:

— Гм... получил такую рану и все же выжил... Даже перед лицом смерти думал обо мне, это похвально.

Старик тяжело вздохнул, и от него повеяло холодом:

— Сяо Гуйцзы, я ослеп. Теперь я могу полагаться только на тебя. Ты ведь не бросишь меня?

Ли Чаньгэ закатил глаза и улыбнулся:

— Конечно, нет.

— Ты не лжешь? — Хай Дафу вцепился в его руку так сильно, что Ли Чаньгэ едва не вскрикнул от боли, но поспешил заверить:

— Дядюшка, как я могу вас обмануть? Конечно, это правда!

Хай Дафу разжал пальцы. Ли Чаньгэ, почувствовав облегчение, отступил на пару шагов:

— Дядюшка, а что делать с телом во дворе?

— Сходи в заднюю комнату, в тайнике за статуей Будды стоит аптечка, — приказал Хай Дафу.

— А... хорошо, — кивнул Ли Чанъгэ и направился вглубь дома.

Он без труда нашел тайник за статуей, достал квадратную аптечку и вернулся в зал.

— Насыпь немного порошка на труп, чтобы избавиться от него, — сказал Хай Дафу.

Ли Чанъгэ смотрел сериал, но детали сюжета стерлись из памяти. Он не знал, какой именно порошок нужен. Собравшись с духом, он спросил:

— Дядюшка, а какой именно флакон? У меня от удара по голове все в тумане, да и вы... простите, я не помню.

— Эх, такой ты пугливый, — Хай Дафу похлопал его по плечу. — Там есть сине-белый фарфоровый флакон, это он. Доставай.

Ли Чанъгэ поморщился от прикосновения старика и поспешил на улицу. Открыв крышку, он осторожно высыпал немного порошка на тело. Раздалось шипение, поднялся белый дым, и на глазах у него одежда и плоть начали превращаться в желтую лужицу.

К счастью, Хай Дафу жил в уединенном месте, и никто не осмеливался к нему приближаться, а в такую темную ночь никто ничего не заметит.

<http://bllate.org/book/19451/1907790>